

Захар Чернобыльский

СОЛЬ ПОД НОГТАМИ

РУИНЫ 2055

Захар Чернобыльский

Руины 2055. Соль под ногтями

«Автор»

2026

Захар Чернобыльский

Руины 2055. Соль под ногтями / Захар Чернобыльский —
«Автор», 2026

Биологическое оружие превратило поверхность в кипящую кислотную слякоть. Осадки не прекращаются 40 лет. Люди спасаются не в тоннелях поездов, а в сети гигантских дренажных коллекторов, шахт и заброшенных бункеров, расположенных под бывшим морским побережьем. Главная проблема — не мутанты и не радиация, а вода. Она повсюду. Она просачивается сверху, она ядовита, и в ней обитает нечто, что умеет подражать голосам утопленников.

© Захар Чернобыльский, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кессонная болезнь совести.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Захар Чернобыльский

Руины 2055. Соль под ногтями

Глава 1. Кессонная болезнь совести.

Вода пахла его завтраком. Эйнар ненавидел этот запах больше всего на свете. Не ржавчину, не тухлую органику, не даже озон от старых батарей. Именно этот — приторно-сладкий, с ноткой варёной кукурузы и прогорклого масла. Так пахло в столовой станции, когда повара жарили на гидролизном жире подобие лепёшек. И точно так же сейчас пахла вода в затопленном тоннеле Т-14.

Значит, где-то выше прорвало канализацию кухонного блока.

— Ты чуешь? — голос напарника раздался в наушнике с хрипом, похожим на шум приборной панели.

Эйнар не ответил. Он сосредоточенно водил лучом налобного фонаря по стене, где когда-то, сорок лет назад, висела реклама жевательной резинки. Теперь от неё остался лишь силуэт — белое пятно на почерневшем бетоне, как призрак счастливого прошлого.

Он опустил руку в воду по локоть. Толстая прорезиненная перчатка передала тепло — вода в этом секторе держалась на тридцати двух градусах. Почти кровь. Почти утроба.

— Эйнар, я серьёзно. Здесь кто-то есть.

— Конечно есть, — буркнул он, не оборачиваясь. — Ты, я и полмиллиарда бактерий на квадратный сантиметр.

— Нет. Я слышу голос.

Эйнар замер. Это было уже третье предупреждение за две недели, и каждый раз оно начиналось одинаково: напарник начинал «слышать». Сначала шёпот, потом отчётливые слова, потом — имя. Своё имя, произнесённое голосом матери или жены.

Он медленно повернулся.

Костя стоял по грудь в тёмной воде, его дыхательный шланг пузырился, выпуская редкие пузырьки воздуха. Фонарь на его груди выхватывал из мрака испуганное лицо — молодое, не тронутое окостенением, с ещё человеческими, подвижными чертами.

— Костя, вынимай мешок и поднимаемся. Смена закончена.

— Она зовёт меня по имени, — Костя не смотрел на Эйнара. Его взгляд был устремлён вглубь тоннеля, туда, где вода уходила в полную, абсолютную черноту. — Она говорит: «Костенька, иди сюда, здесь тепло. Ты замёрз, я знаю. Иди ко мне».

— Это не она, — Эйнар сделал шаг вперёд. Бетонное дно под ногами ощущалось сквозь толстые подошвы как бархат — столько лет илистых отложений. — Это газ. Нейротоксин. Ты знаешь протокол. Повтори за мной: «Ртутный шар в стакане воды».

— Ртутный... — Костя на секунду замялся, и в этот момент вода перед ним колыхнулась. Словно что-то большое, плоское и мягкое прошло прямо под поверхностью, задев его тело.

— Повторяй, мать твою!

— Ртутный шар в стакане воды! — выпалил Костя, и его голос дрогнул. Он помотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение. — Она... она сказала, что у меня будет сын. Эйнар, откуда она знает? Я никому не говорил, что Алиса беременна!

Эйнар выругался сквозь зубы. Это было хуже, чем он думал. Гидра не просто подражала голосам — она проникала в краткосрочную память, выуживала тайны, о которых люди сами забывали думать.

— Слушай меня, — он сократил дистанцию и схватил Костю за плечо. — Это ложь. Это паразит, который хочет, чтобы ты снял маску. Как только ты вдохнёшь эту воду, ты станешь ею. Твоя Алиса родит мёртвого ребёнка, потому что ты не вернёшься. Ты понял?

Глаза Кости распахнулись. В них плескалась вода — буквально, из-за повышенной влажности слёзы смешивались с конденсатом внутри маски.

— Я понял, — выдохнул он. — Прости. Просто... так реально.

— Реальность здесь только одна, — Эйнар развернул его к себе спиной и подтолкнул в сторону освещённого прохода, где висел подъёмный трос. — Там, наверху, жёны, дети, грязный воздух и скудный паёк. Вот она, реальность. А там, — он кивнул в сторону черноты, — там только соль и забвение.

Он закрепил на поясе Кости мешок с выпаренными кристаллами — дневная норма, полтора килограмма чистой пищевой соли. Плата за кислород и патроны. Плата за жизнь.

Они начали подъём, когда Эйнар услышал это сам.

Голос был тихим. Он не шёл из воды — он возник прямо у него в голове, между ушей, мягкий и тёплый, как он сам когда-то говорил с дочерью, укачивая её по ночам.

«Эйнар, ты ведь устал. Ты ведь хочешь отдохнуть. Ты носишь эту тяжесть уже сорок три года. Оставь её здесь. Она не твоя»

Он замер на тросе, повиснув в трёх метрах над водой. Руки не слушались. Тело налилось тяжестью, как перед самым крепким сном.

«Девочка не умрёт, если ты уйдёшь. Она просто перестанет мучиться. Ты же видишь, как ей больно. Сними маску. Всего на секунду. Ты устал быть сильным»

— Эйнар! — голос Кости сверху прозвучал резко, почти истерично. — Поднимайся! Ты завис!

Эйнар смотрел вниз.

Вода в тоннеле перестала быть просто водой. Она стала гладкой, как зеркало, и в ней отражалось небо. То самое небо, которого он не видел сорок лет. Голубое, с облаками. И там, в отражении, стояла его жена — та, что умерла в первый год Прилива, когда он не успел закрыть люк.

Она улыбалась.

«Иди ко мне. Здесь нет окостенения. Здесь нет боли»

Он почувствовал, как его пальцы ослабли на тросе. Всего на долю секунды.

Но этого хватило.

Что-то схватило его за ногу.

Эйнар дёрнулся вверх с силой, которой не ожидал от своего изношенного тела. Трос взвизгнул, лебёдка наверху заскрежетала, и он вылетел из воды, как пробка из бутылки. На секунду он увидел, что именно держало его за щиколотку.

Это была рука.

Тонкая, неестественно длинная, с перепонками между пальцами, бледная, как вываренная кость. Она сжимала его ногу с нечеловеческой силой, но когда он оказался в воздухе, она разжалась, будто поняла, что добыча ускользнула.

Кость наверху уже вытаскивал его на платформу, что-то крича, но Эйнар не слышал. Он только смотрел, как рука медленно погружается обратно в зеркальную гладь, растворяясь в темноте.

Голос в голове умолк, но оставил послевкусие. Как соль на губах.

Подъём на Кессон-7 занял двадцать минут.

Три уровня шлюзов, дважды проверка герметичности, обработка костюмов паром с добавлением едкого аммиака — чтобы смыть споры Гидры. Каждый раз, когда Эйнар стягивал с себя проклятый водолазный костюм, он чувствовал, что сбрасывает чужую кожу. Под

ним была его обычная одежда — промасленная куртка, застиранные штаны и пятна от соли на запястьях, которые не оттирались уже годы.

— Ты видел это? — Костя дрожал, хотя в шлюзе было жарко. — Это была она? Гидра?

— Нет, — Эйнар натягивал сапоги, стараясь не показывать, что у него трясутся руки. — Это был отросток. Корневой побег. Сама Гидра сидит глубже. На два-три километра минимум.

— Откуда ты знаешь?

Эйнар поднял на него усталые глаза. Чёрные круги под ними казались частью татуировки.

— Потому что она пыталась бы меня утопить, Костя. Если б это была она сама, я бы даже не заметил, а просто пошёл вниз, как сомнамбула. Но она только коснулась. Значит, мы были на периферии.

Костя присел на корточки, пряча лицо в ладонях. Его плечи вздрагивали.

— Я чуть не снял маску, — прошептал он. — Ещё секунда — и я бы открыл клапан. Она знала про Алису. Как она могла знать про Алису?

— Она слушает, — равнодушно ответил Эйнар. — Когда мы спим, когда разговариваем, когда думаем. Пока на нашей коже есть влага — а она есть всегда — мы транслируем. Ты думал о ребёнке пять минут назад. Она это считала и повторила. Всё просто.

— Просто... — Костя поднял голову. В его глазах был ужас, но в ужасе этом прорастало что-то другое. Гнев. — Они знают об этом? Наверху, я имею в виду? Старейшины знают, что там внизу разумное дерьмо, которое читает нас, как книгу?

Эйнар на секунду замаялся.

— Знают.

— И посылают нас туда? Костя встал. — За соль? За гребаную соль, которая стоит меньше, чем патрон?

— За соль, которая стоит больше твоей жизни, — жёстко оборвал его Эйнар. — Не нравится — иди в Верхние Коллекторы, работай на ручной перегонке. Там не Гидры, там просто кислотный дождь, который разъедает лёгкие за три года. Хочешь оставить ребёнка сиротой — давай, вали.

Костя замолчал. Он знал, что Эйнар прав.

Все знали, что Эйнар прав. И все ненавидели его за эту правоту.

Он вышел из шлюза в основной коридор Кессона-7.

Станция гудела. Она всегда гудела — от работы генераторов, от голосов, от шагов тысячи человек, запертых в бетонном чреве. Здесь не было огромных колонн и пафосных арок, как в столичных метро. Кессон-7 была просто огромной дренажной камерой, перестроенной под жильё. С потолка свисали провода и трубы, по стенам текла ржавая вода, собираясь в специальные желоба, которые отводили её вниз, в перегонные блоки.

Воздух здесь был сухой — настолько сухой, что трескались губы. Специальные осушители работали круглосуточно, выжимая влагу, потому что влага была смертью. Но даже сквозь эту сухость пробивался запах: жареного жира, пота, машинного масла и, конечно, соли. Соль была везде. Она хрустела на полу, она белым налётом покрывала трубы, она скапливалась на одежде, проедаая ткань.

Эйнар прошёл через центральную площадь — бывший резервуар, где сейчас стояли палатки торговцев. Здесь продавали всё: от наконечников для стрел до консервов тридцатилетней давности, которые от яда очищали вывариванием в тройном объёме воды. Эйнар не смотрел по сторонам. Он знал, что на него смотрят. Солевар — это не почётная профессия, а проклятая. Тот, кто носит костюм и ныряет в глубину, приносит соль, но приносит и страх. Дети шарахались от него. Женщины крестились — те, кто ещё помнил, что такое крест.

Он зашёл в блок-сектор «Г», где висели койки с зелёными занавесками. Здесь воняло лекарствами — не аптечными, а самодельными, на основе грибов и корней, которые выращивали в гидропонных ваннах.

— Эйнар.

Голос был сухим и старческим. Старейшина Скорбный стоял у входа в его отсек, заложив руки за спину. Кожа его лица напоминала пергамент — серая, испещрённая тонкими трещинами, словно он уже давно превращался в скульптуру из соли.

— Ты принёс норму?

Эйнар молча кинул мешок с солью к ногам старика. Скорбный не взглянул на мешок. Он смотрел на лицо Эйнара.

— Ты видел, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да, — ответил Эйнар.

— Она звала тебя?

— Недолго.

Скорбный кивнул, словно это был обычный разговор о погоде. Он нагнулся, подобрал мешок и передал его своему помощнику — высокому худому мужчине с глазами-щелочками.

— Тогда у меня для тебя предложение, — сказал Скорбный. — Ты же знаешь, что мы ищем добровольцев для спуска к источнику.

Эйнар усмехнулся — одними губами, беззвучно.

— Я знаю, что вы ищете смертников. Зачем тебе Солевар? Я не воин, я — мусорщик.

— Ты — единственный, кто дважды касался Гидры и дважды возвращался. Ты — иммунный к её голосу. Почти иммунный. — Скорбный приблизился. От него пахло сушёной мятой и старым потом. — Мы собрали группу. Мы знаем путь. Нам нужен проводник, который узнает дорогу по запахам и течениям.

Эйнар долго молчал. Потом произнёс:

— Моя дочь.

— Она умирает, — спокойно сказал Скорбный. — Окостенение дошло до суставов. Через месяц она не сможет двигаться. Через два — умрёт.

— У нас нет лечения.

— А у нас есть. Сыворотка. Пять ампул. Мы сделали её из образцов, которые принесли другие добровольцы.

Эйнар почувствовал, как в груди застыло что-то холодное и острое. Он не дышал несколько секунд.

— Ты лжёшь.

— Я не лгу, — Скорбный вытащил из складок своего плаща небольшую стеклянную колбу с мутной янтарной жидкостью. — Это — образец. Одна доза. Она остановит окостенение на месяц. Весь курс — пять доз.

— И ты отдашь их мне, если я пойду к источнику?

— Я отдам их тебе сейчас, — Скорбный протянул колбу. — Первую. Остальные — после.

Эйнар взял колбу. Стекло было тёплым. Он посмотрел на свет — внутри медленно кружились крошечные частицы, похожие на золотой песок.

— Что там? — спросил он. — На источнике? Чего вы на самом деле хотите?

Скорбный наклонил голову, и его глаза стали влажными — первый признак эмоций, который он показал за всю их встречу.

— Мы хотим, чтобы она перестала расти. Каждый день Гидра расширяет свою сеть. Она уже подобралась к нижним насосным. Если она достигнет питьевого водоносного слоя — мы умрём от жажды через три дня. Все. На всех станциях.

— Так взорвите её.

— Мы пробовали, — в голосе Скорбного проскользнула едва заметная горечь. — Пять раз. Гидра пожирает энергию взрывов. Она становится только сильнее. Единственный способ — закрыть ей доступ к органике. Перекрыть тоннели, по которым она получает корм. Но это нужно сделать в самом сердце. А оттуда никто не возвращался.

Эйнар сжал колбу в руке. Стекло было тёплым, но пальцы его оставались ледяными.

— Если я не вернусь, ты всё равно дашь ей лекарство?

— Нет, — честно ответил Скорбный. — Сыворотка слишком ценна. Я отдам её только за результат.

Эйнар кивнул. Ему не нужна была ложь. Он привык к правде. Правда была солёной и жёсткой, как корка на его коже.

— Я согласен, — сказал он. — Но я возьму с собой Костю.

— Он не выживет.

— Он выживет, если я буду рядом.

Скорбный улыбнулся — впервые за вечер. Улыбка была кривой, как шрам.

— Ты похож на Иова, — сказал он. — Иов тоже заключил сделку с Сатаной. И тоже думал, что выиграет.

— Иов был праведником, — Эйнар развернулся и пошёл к занавеске, за которой спала его дочь. — Я просто отец.

Он не оглянулся.

За зелёной занавеской было темно и тесно. Две койки, столик с пустыми ампулами и карта коллекторов, которую он рисовал пятнадцать лет. На одной из коек лежала девочка.

Ей было четырнадцать. И выглядела она на десять.

Эйнар подошёл и присел на корточки, чтобы быть на уровне её лица. Аня спала, но сон её был беспокойным — она морщилась, хватала ртом воздух, будто ей снилось, что она тонет.

Он посмотрел на её руки. Пальцы были скрючены, неестественно вывернуты в суставах. Кожа побелела и затвердела, превращаясь в слоистый кальцит — в тех местах, где начиналось окостенение. Она больше не могла сжимать кулак. Она не могла держать ложку. Он кормил её сам, по вечерам, разминая еду в кашу и осторожно вливая ей в рот.

На его глазах она умирала. Медленно, как камень, который превращается в песок.

— Аня, — тихо позвал он.

Она не проснулась. Только губы её зашевелились, беззвучно, словно она что-то шептала во сне.

Он встал и подошёл к столу. Достал шприц из старого ржавого лотка — их стерилизовали кипятком, другого способа не было. Набрал сыворотку.

Рука не дрожала. Она никогда не дрожала, когда нужно было сделать укол. Он нашёл вену на локтевом сгибе — она ещё сохранила человеческий цвет, не покрылась соляным панцирем. Медленно ввёл лекарство.

Аня вздохнула. Глубже, чем обычно. Её лицо расслабилось, и в первый раз за три месяца она перестала морщиться во сне.

Эйнар сидел рядом с ней, на холодном полу, положив голову на край её кровати. Он знал, что она выживет. Сегодня. Завтра. Но через месяц ему придётся уйти в глубину, где даже он не был никогда.

Он смотрел на её побелевшие пальцы и вспоминал, какими они были раньше — тёплыми, мягкими, с ямочками на костяшках.

«Я не вернусь, — подумал он. — Я знаю. Но ты будешь жить. И это единственное, что имеет значение».

За стеной шумела станция. Шумела жизнь, которая рождалась и умирала в бетонной утробе. Шумел генератор. Шумели голоса.

А внизу, под тремя километрами соли и грязи, молчала Гидра. Она ждала.

Она знала, что Эйнар придёт.

И она приготовила для него самое тёплое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.